

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <https://mir-nauki.com/>
2017, Том 5, номер 6 (ноябрь – декабрь) <https://mir-nauki.com/vol5-6.html>
URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN617.pdf>
Статья опубликована 09.12.2017

Ссылка для цитирования этой статьи:

Медведев А.М., Мартиросян К.В., Хачатрян А.Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Часть 2 // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 6 <https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN617.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 159.9.072

Медведев Александр Михайлович

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Волгоградский институт управления (филиал), Россия, Волгоград¹
Доцент кафедры «Психологии»
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
Институт системных проектов, лаборатория проектирования деятельностного содержания образования, старший научный сотрудник, Россия, Волгоград
Старший научный сотрудник
Кандидат психологических наук
E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru
РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=642349
SCOPUS: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=36802216800>

Мартиросян Карине Вардановна

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Волгоградский институт управления (филиал), Россия, Волгоград
Старший преподаватель кафедры «Психологии»
Магистр психологии
E-mail: marti-5@mail.ru.ru
РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=776492

Хачатрян Ани Юриковна

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Волгоградский институт управления (филиал), Россия, Волгоград
Магистрант
E-mail: an.khachatryan94@yandex.ru

**Хронотоп субъективной реальности
как базовый концепт в исследовании этнического
самосознания. Часть 2**

Аннотация. Статья продолжает опубликованный ранее материал, в котором обосновывался исследовательский потенциал концепта хронотопа субъективной реальности. В этом тексте представлены этапы и результаты эмпирического исследования этнического самосознания. Исследование построено на основании концепта хронотопа субъективной реальности и содержит этап культурной провокации, этап сигнификации и категоризации, этап

¹ 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8 (главный корпус), к. 309

дифференцированной оценки и завершающий этап – групповое фокусированное интервью. В исследовании приняли участие студенты двух этнических групп, – русские и армяне, – совместно обучающиеся в Волгоградском институте управления. Этап культурной провокации был построен на выполнении коллажей из обширного и разнообразного наглядного материала, содержащего этническую, религиозную и масскультурную символику. На этапе сигнификации и категоризации респонденты распределяли коллажи своих сверстников на группы, самостоятельно вводя различительные категории. На этапе дифференцированной оценки респонденты выбирали два коллажа по критериям «нравится – не нравится», обосновывая выбор. На завершающем этапе фокусированного группового интервью обсуждались смысловые основания ориентировки при построении коллажей и при их оценке. Обсуждение строилось вокруг понятий толерантности, этноцентризма и патриотизма. Основным результатом работы: в обеих этнических группах обнаружены две установки – эклектично-толерантная и культурно-центрированная. Культурно-центрированная установка, нашедшая свое оформление, в том числе, в проявлениях этноцентризма, в большей степени проявилась у респондентов армянской группы. Эклектично-толерантная установка, как показало проведенное исследование, не позволяет осмысленно-рефлексивно объяснить критерии выбора культурной символики, категоризировать собственные предпочтения, и аргументировано построить иерархию культурных символов и значений. Та категоризация смыслов, которая у большинства армянских респондентов проявилась в форме автоматизма, у респондентов-русских потребовала специального рефлексивного напряжения. Объяснение этого различия требует более глубокого исследования.

Ключевые слова: хронотоп; русские; армяне; культурная провокация; коллаж; фокус-группа; фокусированное интервью; этно-центрированное; этно-ориентированное; глобалистское; культурно-свободное; концепт; конструкт; толерантность; патриотизм

В предшествующей первой части [5] мы обобщенно определили содержание и структуру хронотопа субъективной реальности [12]. В этой второй части мы представляем результаты исследования этнического самосознания на основе заявленного концепта хронотопа.

Этнопсихологическое содержание предмета исследования определяется тем, что пространственная и временная составляющие хронотопа субъективной реальности сопряжены с образами Родины, малой родины, исторической родины, с историей семьи, рода и этноса. О важности такого сопряжения пишет Г. У. Солдатова, ссылаясь на одну из эриксоновских характеристик эго-идентичности: «Психосоциальная идентичность характерна только для зрелой личности, у которой “внутренняя тождественность и непрерывность” синтезируется со стремлениями ее интеграции с социальными структурами (государством, нацией, различными социальными группами)» [10, с. 45].

В современных условиях глобализации и универсализации символика культуры, служившая ранее средством конституирования хронотопа этнического самосознания, а значит, служившая средством построения этноидентичности, часто превращается в опустошенные оболочки или извращается. Протоиерей о. Андрей Кураев говорит об этой проблеме следующее: «О. Шпенглер писал, что в человеческой культуре иногда происходят “псевдоморфозы” – когда некоторая культурная оболочка, по видимости оставаясь прежней (или будучи воспроизведенной в прежнем виде), на деле служит для выражения совершенно иного содержания» [4, с. 147].

В задачу нашего исследования входило прояснение того как в двух этнических группах могут проявиться ориентировки в континууме этнокультурной и масскультурной символики. Мы пригласили для работы две группы студентов из одного волгоградского вуза:

представителей титульного этноса – русских и представителей одной из весомых в демографическом составе Волгограда диаспор – армян. Среди студентов вуза это вторая по численности, после русских, этническая группа. Группы были гомогенны по возрастному и образовательному статусам, месту проживания и выбору направления подготовки – государственная служба (психология служебной деятельности, экономика, юриспруденция, менеджмент). Всего в исследовании приняли участие 90 человек, из них 45 русских (40 девушек и 5 юношей) и 45 армян (31 девушка и 14 юношей). Работа проводилась со студентами Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС.

I. Культурная провокация: диагностический этап

Провокация (лат. *provocatio* – вызов) в контексте нашего исследования – это действия по построению таких условий и такой ситуации общения с респондентами, которые вызывают у них ожидаемую реакцию или спектр ожидаемых реакций в заранее предполагаемом диапазоне. Мы выбрали именно такое обозначение для применяемого нами диагностического приема, чтобы подчеркнуть его важную особенность – *провокация не содержит прямого указания, требования или призыва совершить именно это ответное действие*, она рассчитана на актуализацию собственных установок и аттитюдов у тех, к кому она обращена. Мы назвали ее *культурной*, поскольку стимульным материалом были изображения и символы из различных цивилизационных сфер с различным культурным содержанием.

Прототип методики был апробирован нами ранее [6], теперь же в представляемом здесь исследовании мы использовали модифицированный вариант [11]. Построенная (и модифицированная) нами техника культурной провокации «вынуждает» респондента эксплицировать латентное содержание его субъективного хронотопа или, наоборот, актуализирует психологические защиты, «заставляя» скрывать отношение к своей этничности, прикрываться стереотипной символикой массовой культуры («ничего личного – все как у людей»). Взяв в кавычки «вынуждает» и «заставляя», мы хотим отметить, что стремились построить низкоинтервентную диагностическую технику, избегая требований прямых оценок, шкалирования, ранжирования и противопоставления. Сказанное относится к первому этапу исследования, именно он по нашему замыслу должен быть низкоинтервентным. На следующих этапах ответы респондентов стимулировались более жестко: применялась техника генерирования конструкторов (упрощенный вариант репертуарных решеток Дж. Келли), дифференцированный выбор и, наконец, групповое фокусированное интервью.

Низкая интервентность на первом этапе достигалась тем, что респонденты оказывались в ситуации паллиативного выбора при весьма неопределенных критериях. «Провокация» же состояла в том, что сама символика, используемая в качестве стимульного материала, могла вызвать содержательно и аффективно «заряженные» ассоциации; но она же в равной степени допускала и «алиби» по отношению к этнокультурному, историко-культурному и религиозному содержанию.

Методический прием был построен следующим образом. Мы заготовили массив картинок, содержащих главным образом изображения людей, относящихся к разным этническим, расовым и религиозным группам, а также изображения представителей радикальных течений и их символики. В этот же общий массив входили обобщенные символы (религиозная символика, символика пацифизма, государственная символика России и Армении), наряду с ними использовались и «этнически нейтральные» изображения природных пейзажей, логотипы мировых брендов как символы глобализации мировой экономики. А также – картинки из студенческой жизни в вузе, где обучаются респонденты (КВН и конкурсы, спортивные и праздничные мероприятия). В целом массив содержал 130 карточек небольшого

размера, примерно 4×6 см. Значительная часть стимульного материала (около четверти) была ориентирована на респондентов-армян, должна была быть им знакома, ими узнаваема.

Каждый респондент получал набор из 130-ти карточек и лист бумаги размером 53×53 см для создания своего коллажа. Лист бумаги был расчерчен на три круга – центральный, средний (на нем еще четыре круга меньшего диаметра) и крайний (на нем восемь кругов еще меньшего диаметра).

Участникам исследования предлагалась следующая инструкция: «Перед вами лист бумаги с большими концентрическими кругами и малыми кругами на периферии. У вас на столах файл с набором картинок. Вам предлагается создать коллаж, причем расположите в центре то, к чему, как вам кажется, вы имеете отношение: что вам субъективно близко, что вы знаете, понимаете и принимаете, на периферии – то, что вы не знаете, или знаете, но не считаете своим. При этом вы можете выбирать дистанцию, степень удаленности во времени и пространстве. В малых кругах на периферии вы можете располагать то, что ассоциативно близко друг к другу – это в одном таком круге, и то, что далеко и даже противоположно – это в разных или диаметрально противоположных кругах. Картинки, которые вы по каким-либо причинам не захотите использовать, верните назад в файл и оставьте там».

По результатам мы смогли построить типологию субъективных этнохронотопов, разделив их на четыре группы:

- *этно-центрированные*, построенные вокруг центральной «точки кристаллизации», имеющей *исключительное этническое значение* при вынесении на периферию или игнорировании образов и событий, не имеющих отношения к жизни родного этноса (в русской группе такие коллажи не были представлены, в армянской группе они составили 62,2 %, пример такого коллажа приводится на рисунке 1 (здесь и далее фото авторов));
- *этно-ориентированные*, построенные на основе *соотнесения равновеликих* (термин подсказан одним из респондентов) *или ассоциативно близких/противоположных культурных символов* (например, религиозных или исторических) при установлении их близости или дистанции по выбранным основаниям, например, близость русской и армянской христианской символики и удаленность от символики буддизма (в русской группе 17,7 %, в армянской группе также 17,7 %);
- *глобалистские*, построенные на символах, относящихся к глобальным мировым трендам (нефтяные ресурсы, экология, глобальное изменение климата, пацифизм против экстремизма, Земля и Космос, международные бренды и пр.) (в русской группе – 40 %, в армянской – 8,8 %);
- *культурно-свободные, эклектичные* – содержат символику, не имеющую точной «этнокультурной прописки», относящуюся к мировому шоу-бизнесу, популярным курортам, модным брендам и пр. (в русской группе – 33,3 %, в армянской – 2,2 %, пример такого коллажа представлен на рисунке 2).

Рисунок 1. Пример этноцентрированного коллажа (составлено авторами)

Рисунок 2. Пример культурно-свободного (масс-культурного) эклектичного коллажа. Основной материал составляют изображения медийных лиц. Часть медийных персон выведена за границы центральной очерченной области. Там же расположены картинки, ассоциирующиеся с экстремизмом (составлено авторами)

Наличие и явное преобладание этноцентрированного варианта у молодых людей из армянской группы не стало для нас неожиданным: это показатель самосознания представителей этнических диаспор, сохраняющих культурное наследие и трансляцию этнокультурных традиций. В ранее проведенном исследовании К. В. Мартиросян [5] соответствующий симптомокомплекс (сочетание диагностических показателей), условно определенный как «армянский гедонизм», получил некоторое объяснение. Это сочетание оптимистически-гедонистической направленности временной перспективы [2] (характеристика содержания временной оси хронотопа) с показателями сверхсуверенности психологического пространства [9] (характеристика пространственной составляющей хронотопа). Причем, как показало это [5] ранее проведенное исследование, при сравнении

сопоставимых выборок студентов-армян Волгограда и студентов-армян Еревана в волгоградской группе симптомокомплекс «армянского гедонизма» по распространенности выше втрое.

Теперь же, на представляемом здесь этапе исследования нас в большей степени интересовало, является ли обнаруженный этноцентризм аттитудом или это смысловая, а значит не только аффективно переживаемая, но и рефлексивно осознаваемая образующая этнохронотопа.

Симметричную задачу – выяснение осмысленности и рефлексивности глобалистской и культурно-свободной ориентации, как преобладающих в полученных нами материалах, – мы решали при анализе субъективной реальности респондентов русской группы.

II. Сигнификация-категоризация. Работа с фокус-группой

Задачей этого этапа было прояснение спектра и содержания тех категорий, которые могли оформлять ориентировку респондентов в массиве культурной символики. Прояснение категорий – это экспликация смысловой составляющей хронотопа и субъективных средств рефлексии.

Поскольку работа со всеми респондентами (90 человек) в режиме живого развернутого диалога не представлялась возможной, мы перешли в **режим фокус-группы** [1, 8]. При этом мы ориентировались на «классическое» определение фокус-группы (фокусированного интервью), данное в работе Р. Мертона, М. Фиске и П. Кендалла: «1. Известно, что интервьюируемые были включены в определенную ситуацию (принимали участие в эксперименте, просмотрели фильм, прослушали радиопрограмму и т. д.). 2. Исследователь предварительно проанализировал ситуацию и выработал гипотезы, касающиеся возможных реакций на нее. 3. Этот содержательный, или ситуационный анализ обеспечивает базу для создания вопросника, выделения основных областей исследования и обеспечения критериев релевантности информации, получаемой в ходе интервью. 4. Интервью фокусируется на субъективном опыте интервьюируемых для получения их собственного осмысления ситуации, в которую они были включены» [8, с. 5].

В результате описанного выше составления коллажей («культурная провокация») их было получено 90 экземпляров. Из них были отобраны 20 наиболее выразительных: 10 от респондентов русской этнической группы и 10 – от армянской. В каждой из десятков были представлены все присущие каждой группе типы этнохронотопов: четыре типа в армянской, три типа в русской группе (напомним, в русской группе не было этноцентрированных коллажей).

Отобранные коллажи были в случайном порядке пронумерованы от «1» до «20» без каких-либо упоминаний этнической принадлежности автора коллажа.

В работе фокус-группы принимали участие 10 респондентов (пятеро русских и пятеро армян). Среди участников *не было авторов коллажей*, представленных им в качестве стимульного материала, но они имели опыт составления коллажей, участвуя в диагностической части нашего исследования: исходный материал и способ компилирования коллажей был им знаком.

Взяв за основу теорию личностных конструктов Дж. Келли [3], мы предложили участникам процедуры разделить набор коллажей на две группы по любому основанию, сообщив, что эти группы могут быть и неравными по количеству. Далее каждую получившуюся группу коллажей – еще на две. И так до тех пор, пока в каждой группе не останется по одному коллажу. Конструкты в последовательности их продуцирования записывались участниками в

специальные блокноты. Предположительно, конструкты должны были составить определенную иерархическую структуру.

Этот этап позволил нам определить степень категориальной оснащенности участников фокус-группы и степень их рефлексивности – ресурсы концептуализации (конечно, в той мере, в какой это было ими эксплицировано). Для снижения побочных интерференций мы проводили эту процедуру дифференцировки отдельно с русской группой и отдельно с армянской группой. Внутри же каждой группы студенты могли общаться друг с другом и обмениваться мнениями.

При оценке работы респондентов по продуцированию различительных конструктов мы использовали два критерия – формальный критерий разработанности, показывавший длину цепочек конструктов и число уровней конкретизации, а также содержательный критерий рефлексивности. К содержательно рефлексивным мы относили конструкты, построенные на общем для их полюсов содержательном основании, т. е. содержащие единую семантику. Сами же полюсы конструкта должны были быть не формальными антонимами, а содержательно-логическими семантическими противопоставлениями. Правильные с точки зрения формальной логики, но бессодержательные по отношению к обсуждаемой этнокультурной проблематике конструкты мы не считали содержательно рефлексивными.

В дальнейшем описании результатов, полученных на этом этапе, мы, исходя из условий конфиденциальности, *изменили имена всех участников*, учтя при этом их этническую принадлежность: русским респондентам присвоили русские псевдонимы, например, **ПЕТР**, армянским – армянские, например, **РУБЕН**. Применяя далее в тексте такое написание имен, мы хотели напоминать читателю, что это ни что иное как **ПСЕВДОНИМЫ**.

Русские

В русской группе были представлены два автора этноориентированных коллажей, один автор глобалистского коллажа и двое авторов, предложивших культурно-свободные эклектичные варианты. Респонденты русской группы в процессе выполнения задания минимально контактировали друг с другом, чаще молчали. По сравнению с армянской группой работали дольше и с большей сосредоточенностью. При этом *собственно этническая символика* не была в фокусе их внимания и категориального осмысления, однако они выделяли среди всей представленной им эклектики *религиозную тему*.

ПЕТР (автор культурно-свободного эклектичного коллажа). Продемонстрировал тщательно выстроенные психологические защиты, выраженную резистивность на протяжении всего времени работы над заданием. При продуцировании конструктов он нарочито избегал этнокультурных и культурно-религиозных тем, формулируя исключительно «пустые категории» – формальные геометрические конструкты. Например: «кольцевая – радиальная», «лево – право», «центрированные – нет центра», «эллипс – квадрат». Т. е. коллажи дифференцировались им исключительно по геометрии композиции и никак не по содержанию образов и символов. При этом респондент отметил, что ему «эмоционально тяжело» выполнять это задание и что он по завершении «очень устал». При относительно высокой разработанности рефлексивность обернулась нарочитым экранированием от содержания, дистанцированием от него.

АННА (автор этноориентированного коллажа). Проявила достаточно высокую рефлексивность. Конструкты содержали темы экстремизма, духовной и социальной сфер, религии, возраста и природы.

МАРИЯ (автор этноориентированного коллажа). Продемонстрировала высокую разработанность, построив семь уровней конструктов. При этом респондентка показала и

феномен своего рода «рефлексивного разрыва» – выпадения из общей, ею же построенной, содержательной логики конкретизации. Внутри построенной ею иерархии внедрился формальный бессодержательный конструкт «много фото – мало фото», после чего респондентка перешла от дифференцировки, соотносимой с темой общечеловеческих ценностей к темам «человека и природы», «душевного спокойствия – не спокойствия» и религии.

ПАВЕЛ (авторский коллаж – этноориентированный). Этот участник исследования сфокусировался на одной, видимо актуальной для него теме, – религиозной. Примечательно, что респондент в первой версии своего исходного конструкта, которую он потом перечеркнул и начал все заново, построил противопоставление «сдержанное, либеральное отношение к исламу – негативное отношение». Но отказавшись от этого исходного противопоставления, позже он использовал похожий конструкт на втором уровне иерархии: «принятие религии – марксистский атеизм». Содержанием конструктов стало отношение к христианству и к исламу как двум крупным религиозным течениям: «сдержанное отношение к исламу – негативное», «христианская ориентация – неоднозначная ориентация». При этом была показана невысокая разработанность конструктов – всего три уровня: исходный и два уровня конкретизации.

АЛЕКСЕЙ (автор глобалистского коллажа). В основе дифференцировки были различия «знаю, что это такое – ничего об этом не знаю» и «все знают, что это – мало кто знает что это». Этими двумя уровнями дифференцировка и ограничилась. При этом респондент неоднократно менял коллажи, соотносимые с заявленными полюсами. Композиция коллажей, их структура им никак не оценивалась. На полюс «знаемого» помещались коллажи, содержащие фотографии поп-звезд, медийных персон и логотипы мировых брендов. Этническая и религиозная дифференцировка, явно представленная в некоторых коллажах, игнорировалась, эти коллажи то включались в рассмотрение, то откладывались в сторону. Респондент избегал их категоризации и оценки.

Армяне

В армянскую группу вошли по два автора этноцентрированных и этноориентированных коллажей и один респондент, представивший глобалистскую версию.

В отличие от респондентов русской фокус-группы, армяне при выполнении задания активно взаимодействовали между собой. Сначала они познакомились, узнавая, на каких курсах и по какой специальности обучается каждый. При этом они сходу начали прояснять субъективные «хронотопические маркеры»: «Ты где родился?», «Откуда родом твои родители?», «Ты давно живешь в Волгограде?». Определенной напряженностью была отмечена встреча «карабахских» и «ереванских» армян. В процессе общения обсуждалось наличие сиблингов, неожиданно (спровоцировал **РУБЕН**, комментируя, как ему показалось, «неправильное» обращение одного из присутствовавших к студентке-армянке) коснулись темы гендера – какое поведение допускается по отношению к женщине (девушке), а какое непозволительно. Также прояснялось, кто в какой степени владеет армянским языком: умеет ли писать, читать, говорить, если говорит, то на каком диалекте и понимает ли литературный армянский.

Тем самым респонденты-армяне уже «на входе» вербально эксплицировали некоторые элементы своего этнического самосознания, причем в достаточно экспрессивной форме, в том числе, используя армянскую речь, как для уточнения содержания своих высказываний, так и для подчеркивания *несомненности* своей этнической принадлежности.

ВИГЕН (автор этноориентированного коллажа). Оказался наиболее рефлексивным представителем группы. Основными темами стали отношение к людям и творчество.

Респондент начал с конструкта «филантропы – мизантропы». Далее были представлены еще четыре уровня с педантичной точностью согласованных и разработанных конструктов, в которых исходный конструкт получил конкретизацию с привлечением этнической и религиозной символики. «Филантропы» стали разделяться на «патриотов» и «космополитов», а далее и те и другие – на «верующих» и «атеистов», на «творческие личности» и «потребителей».

РУБЕН (автор глобалистского коллажа) нарочито игнорируя этнокультурное и религиозное содержание коллажей, продуцировал конструкты, содержащие темы пола и гендера: «М – Ж»; «красивые – некрасивые», «карьеристки – семейные», «хозяйственные – не хозяйственные». Причем эти конструкты он использовал волонтаристски, поэтому не всегда было понятно, что служит основанием дифференцировки: содержание коллажа (преобладание мужских или женских лиц и фигур) или интуиция по поводу гендерной принадлежности автора того или иного коллажа.

ГОР (автор этноцентрированного коллажа) представил три уровня конкретизации, признавшись, что далее он не способен больше ничего придумать. Предложенные им конструкты: «Духовные – Материальные» и «Армяне – Русские». Третьим уровнем было разделение на «духовные» и «материальные» по содержанию (композиция, как нам показалось, не учитывалась) коллажей, отнесенных ранее к «армянским».

КАРИНЕ (автор этноцентрированного коллажа) начала с конструкта «Арм – Рус». Примечательно, что среди всех конструктов сокращены были именно эти два слова – можно предположить, что эти слова находятся в активном вокабуляре респондентки. Далее были представлены тема ценностей и тема Родины: «Родина – Не Родина»; «Материальные ценности – Духовные ценности».

ГАЯНЕ (автор этноориентированного коллажа) представила три уровня дифференцировок. В общении с **ГАЯНЕ** проявилась особенность ее манеры объяснения – затруднения в построении емких обобщенных, лаконичных формулировок. Примеры ее высказываний: «Люди, для которых важен престиж, доход, но в некоторой степени и духовное обогащение. – Люди, для которых важными ценностями являются семья, религия – все духовные ценности»; «Люди, которые не определены в своих ценностях. – Люди, которые определены в духовных потребностях». Интересно, что в последнем приведенном конструкте ценности в некоторой степени отождествляются с потребностями. Все конструкты относились к теме ценностей, но конкретизация и иерархия конструктов так и не была построена, они лишь повторялись с незначительными лексическими вариациями.

При сравнении результатов этого этапа обнаруживаются явные различия в семантике высказываний:

- в русской группе содержание сигнификатов более широкое – от природных объектов до религиозных символов, от «экстремизма» до «душевного спокойствия»;
- в армянской группе содержание сигнификатов в основном ограничилось фиксацией этнической принадлежности (армянское или русское) и различием «духовное – материальное».

Тема ислама, проявившаяся в русской группе (в конструктах, построенных **ПАВЛОМ**), была обойдена респондентами-армянами, но они отметили присутствие в материале символики истории и культуры еврейского народа (но в конструкты не включили).

III. Субъективная позитивно-негативная дифференцировка

На данном этапе участники получили инструкцию выбрать из 20 ранее предложенных и уже знакомых им коллажей один наиболее понравившийся и один наименее понравившийся. Выбор нужно было обосновать, ответив на вопросы: «Что ценно для меня?», «Почему мне этот коллаж нравится, а этот не нравится?», «Похож ли этот коллаж на тот, который я создавал сам?».

Этот этап проводился в индивидуальной форме.

Русские

ПЕТР (автор культурно-свободного эклектичного коллажа). Характерным признаком его высказываний стало описание с использованием негативных коннотаций даже в тех случаях, когда **ПЕТР** описывал понравившийся коллаж: «Не раздражает»; «Не кидает в лицо какие-то постулаты, догмы». При упорном отрицании и непринятии этнических критериев он восклицает: «Я как грек! Мне форма важнее», видимо, говоря о соотношении формы и содержания в его оценках.

АННА (автор этноориентированного коллажа) ведущим показателем для себя определила религию: «Ну, я не знаю, они вообще какой-то религии следуют или нет? Потому что если они православные... или что еще тут есть... ну вот ислам. Если они на последнее место это все ставят, то не знаю, верят ли они вообще во что-нибудь, может это какие-то атеисты. Я такого не приемлю».

МАРИЯ (автор культурно-свободного эклектичного коллажа): «Ну, здесь ценности схожи с моими, картинки расположены так, как я бы раскидала, ну по большей степени, не все, конечно. Ну вот в частности учебная деятельность, природа, я обожаю, у меня тоже это было в центре. <...> Вот здесь выбраны материальные ценности, роскошь, благополучие, звезды (медийные персоны. – Авторы)... для меня это не является высшей ценностью, я бы не приклеила это в центре».

ПАВЕЛ (автор этноориентированного коллажа): «Ну, вот здесь хотя бы понятно, что это “made in Russia”. Ну, вот колокольни, например. Это же все-таки не минареты...».

АЛЕКСЕЙ (автор глобалистского коллажа) оснащает свою речь витиеватыми формулировками и постоянно обращается к теме либерализма: «Собственно, некоторые кумиры из этой части мне не импонируют, также аспекты академической деятельности... в не учебной (указывает на фотографии знакомых студентов и преподавателей на сюжетных снимках – КВН, конкурсы, праздничный концерт, конференция), излишнее либератство (ну или либеральность, лучше так сказать), которое хоть и полезно, но иногда надо думать и критическим умом, а не только задним... Ну и в принципе все аккуратно и оно больше привязано к моим принципам – уважительное отношение ко всему. Просто я студент, а студенты либеральны, но не настолько, как этот. Революция, когда она во благо – то это ладно, но я не вижу тут среди людей какой-либо цели, направленности. Я не вижу среди них Ленина, поэтому я не с ними».

Армяне

ВИГЕН (автор этноориентированного коллажа). Отношение к людям остается для Вигена центральной категорией: «Среднее отношение к материальным благам и нематериальным. Ну потому что материальные ценности могут привести к удовлетворенности жизнью, но не могут сделать счастливым. Поэтому духовные важны. У меня среднее

отношение к людям... где-то между филантропом и мизантропом. Раньше было, все же, больше плохое... но я изменился». Описывая коллаж, который *не понравился*: «Еще столпотворение людей, мне это не близко. И вот я еще не согласен с лозунгом написанным (указывает на транспарант с лозунгом «Люди! Вы – демократия. Вы – перемены. Вы – будущее»), не верю я в людей. Есть любовь к людям – у меня индифферентное отношение». На вопрос: «А какой понравился?» отвечает: «Из этих ничего...».

РУБЕН (автор глобалистского коллажа): «Не нравятся ярко выраженные террористические аспекты деятельности людей и ярко выраженный исламизм... Тут по картинкам видно, что очень не нравится ему (автору рассматриваемого в этот момент коллажа. – *Авторы*) ислам. “Бабки” еще есть... это хорошо, но еще и плохо, деньги – это плохо. Кроме наших есть еще кто? А вот еще и евреи есть – отличные люди!».

ГОР (автор этноцентрированного коллажа) сразу фиксировал этнический и религиозный критерии и утверждал, что ему нравится определенный коллаж по причине того, что есть армянские картинки: «Красивые армянские девушки в национальных... армянские храмы, священник армянский, хачкар, гора Арарат, Гарни, Севанаванк, Эчмиадзин...».

КАРИНЕ (автор этноцентрированного коллажа): «Дом, традиции, всякое такое, то, что она армянка (говорит о том, что автор рассматриваемого ею коллажа армянка. – *Авторы*), – это все красиво, это все круто, и природа важна. Музыкальный вкус мне понравился у этого человека. И милосердие есть. И духовность не на последнем месте, причем и мусульманские есть, и христианские... то есть у человека нету такого, что я христианин – значит не люблю мусульман и наоборот. И универ тут тоже стоит – человеку развиваться тоже интересно. На этом коллаже я денег не увидела, что круто».

ГАЯНЕ (автор этноориентированного коллажа). Так же, как и Гор сразу обращается к этническому критерию: «На первом месте у него (у автора коллажа. – *Авторы*) выступает национальность, традиции, видно, как будто это армянин делал или армянка (смеется), ну не важно! Как бы на первом месте у него выступают такие же ценности, которые ближе и мне».

IV. Фокусированное групповое интервью

Этап предполагал выявление представлений, которые ассоциативно и не обязательно рефлексивно и взвешенно актуализировала работа с методикой. При этом обсуждалась именно методика, а не результаты, представленные присутствующими. Это, на наш взгляд, позволило определить направление транскрибирования – то, в какой контекст, в какую область значений помещают респонденты предложенный им материал, избегая прямого самоотчета. Иначе процедура стала бы интервентной и в большей степени актуализировала бы защитные реакции.

Этап группового интервью включал стадии, обозначенные ниже «А», «Б», и «В». На этапе фокусированного интервью русская и армянская группа были объединены, состав их остался прежним за исключением **ПЕТРА**, отказавшегося от участия в дальнейшей работе.

Организация фокусированного группового интервью осуществлялась двумя ведущими – А. М. Медведевым (модератор) и А. Ю. Хачатрян (актуализатор). Функция модератора состояла в поддержке сквозного диалога, поддержании рамок общего контекста путем комментариев и необходимых разъяснений. Кроме этого, в задачи модератора входила проблематизация и обострение возникающих противоречий с целью прояснения аргументации. Функция актуализатора также состояла в усилении возникающих противоречий, в актуализации намечающихся различий во взглядах, вбрасывании концептов, возвращающих обсуждение к теме этнокультурных опосредствований субъективного сознания. При общей направленности действий на прояснение позиций участников различие состояло в

преимущественной ориентации модератора на категоризацию диалога и обобщение, актуализатора – на фасилитацию поддержание динамики диалога, поскольку более авторитетная и дистантная (статусная) позиция модератора могла сдерживать спонтанность участников.

Возрастные и статусные различия (доцент и студентка старшего курса), а также этнические и гендерные различия, как мы полагали, должны были вносить в диалог дополнительные аспекты, определяемые, в частности, отмеченным уже различием в психологической дистанции.

А. Экспликация культурно-натуральных представлений

Задачей этой стадии было прояснение содержания тех ассоциаций, которые вызвала работа с коллажами. Мы называем это содержание «культурно-натуральными представлениями», поскольку это «... те проявления субъективной реальности человека, которые «склеены» с его обыденным поведением, это привычные для него реакции, поведенческие паттерны, ассоциации и речевые обороты» [4]. Выявление культурно-натуральных представлений было необходимо для понимания тех культурных опосредствований и тех способов категоризации, на которые мы можем опираться в диалоге с респондентами. При этом сохраняя условие низкой интервентности. По крайней мере, в начале фокусированного группового интервью, мы начали с обсуждения методики, не претендуя на выявление мировоззренческих позиций участников диалога.

В следующем ниже описании диалога курсивом и разрядкой выделены те фрагменты, которые несли в себе смысловое акцентирование и интонационно выделялись говорящими.

МОДЕРАТОР. Как вами это все воспринималось и зачем нужна эта методика, на ваш взгляд?

АЛЕКСЕЙ. Мое мнение, оно может быть ошибочно, но мне кажется, что это специфическая методика направлена на выявление положительных или отрицательных чувств к этносу, к какому-то определенному.

Сделаем замечание, которое нам необходимо для дальнейших комментариев: методика воспринята как провокация проявления, экспликации *положительного и отрицательного отношения к какому-то определенному этносу*. При этом в аудитории представители только двух этносов – русские и армяне. Далее **АЛЕКСЕЙ** будет предлагать своего рода манифест толерантности, будет уходить именно от этого первичного представления, отрицая как позитивно-негативную оценку «чувств к этносу», так и саму этническую составляющую в материале методики.

МОДЕРАТОР. Да, это было в наших замыслах, что еще вы здесь увидели?

РУБЕН. На самом деле, не знаю, мне кажется это *просто для проявления привязанностей и интересов к чему-либо*, поэтому из этого выходит такое. И тут очень много религиозных аспектов, которые не знаю, зачем тут нужны... только мешает. И как-то так.

Заметим, что уже на первом шаге **АЛЕКСЕЙ** и **РУБЕН** задают полюсы «отношение к этносу – интерес к чему-либо». В дальнейшем эта поляризация предстанет динамично, но

сохранится по своей сути: респонденты будут дискутировать в границах этого конструкта, который конкретизируется затем в отношении «этноцентризм – толерантность». По сути, дискуссия будет вращаться вокруг вопроса: включать ли в горизонт событий этнокультурное и религиозное содержание, или вывести его за горизонт рассмотрения и обсуждения? Отметим в связи с этим предложение **РУБЕНА** вывести религию за горизонт рассматриваемой и обсуждаемой реальности – «только мешает».

МОДЕРАТОР. По поводу религиозных аспектов, если посмотреть формально, просто посчитать, сколько символов здесь относится к религиозности, то формально это не будет доминировать. Другое дело, что это всегда нагружено сакральным смыслом, и нагружено аффективно, эмоционально, поэтому мы (и вы) к этому как-то, как правило, *относимся*. Поэтому создается впечатление, что этого много. Оно есть, но говорить, что это преобладающее... <...> У вас какие эмоциональные реакции были на предложенный материал? В общем и целом...

РУБЕН. Мне кажется, это задание с фотографиями привязывает к чему-то... к чему – не знаю, я эконом (экономист по профилю обучения).

АКТУАЛИЗАТОР. Ты имеешь в виду, что если ты приклеил картинку, то это тебя к чему-то обязывает?

РУБЕН. Ага!

ГОР. Ну потому что было сказано, что по центру клеить те, которые нравятся, следующий круг – те, которые менее нравятся, третий ряд – которые не нравятся, да? А вот нейтрально – нету такого. То есть только три вариации.

РУБЕН. Чувак меня понимает! Соответственно возникает вопрос: зачем это? *Зачем привязывать к картинкам нашу оценку. Мы же можем никак не относиться. Нейтрально и все...*

Заметим, что здесь впервые в работе фокус-группы появилась идея «смыслового алиби»: можно *никак не привязываться и никак не относиться*.

Если пользоваться введенной нами ранее [7] терминологией, это нивелирование смысловой оси хронотопа (или констатация ее отсутствия как таковой). Тогда, предположительно, могут быть актуализированы только пространственная, временная и мотивационно-потребностная оси. Но и для актуализации временной и пространственной осей нужна какая-то осмысленная мерность: историческая, биографическая, географическая, социально-структурная...

ГАЯНЕ. То есть вы (обращаясь к **ГОРУ** и **РУБЕНУ**) хотите избежать жесткой категоризации? А тогда вообще зачем все это? Смысл?

МОДЕРАТОР. Это хорошее замечание, важное. <...> Как только вы начинаете что-то структурировать, у вас возникает к этому отношение. А дальше вопрос: это отношение ровное, эмоционально спокойное, или сопровождается раздражением, что вас втянули в ту игру, в которую вы бы сами играть не хотели? Не выбирали бы и не оценивали.

ГАЯНЕ. Нас никто не заставлял, мы сами согласились.

АННА. Все было честно, нам все подробно объясняли и отвечали на все вопросы.

АЛЕКСЕЙ. Идея – еще больше семантики добавить, не только сюда плюс, а сюда минус, но еще и сравни это с сыром и шоколадом, с пепси и кока-колой, кому кофе, а кому чай... То есть *хочется больше нейтральности. Некоторые люди не могут категоризировать жестко на добро и зло!*

Полагаем, необходим комментарий. В инструкции к методике ничего не говорилось про «добро и зло», равно как не использовались символы «плюс» и «минус». Пожелание «бóльшей нейтральности» в сочетании с «сыром, шоколадом, пепси и кока-колой», на наш взгляд, можно соотнести с актуализацией мотивационно-потребностной (в соответствии с ранее введенной нами категоризацией [7]), гедонистически-утилитарной оси хронотопа субъективной реальности. Можно усмотреть в этом интенцию замены смысловой оси утилитарной. Конечно, это не означает актуализации соответствующих витальных потребностей, это, предположительно, экранирование горизонта субъективной реальности, нежелание работать с культурно, этнически и религиозно нагруженной символикой. Это индикатор резистенции.

Для того чтобы «раскачать» ситуацию и вывести диалог в интересующее нас русло этнокультурных медиаторов и различительных критериев, мы ввели содержательно неопределенный, но при этом абстрактно-обобщенный концепт, называя эту процедуру «вбрасывание». Название «вбрасывание» отражает непривязанность вводимого концепта напрямую к конкретному содержанию текущего диалога, он вносится как бы волюнтаристски.

Б. Вбрасывание

На предыдущем этапе обнаружилось размывание критериев и попытка уйти от категоризации. Чтобы обратить респондентов к рефлексии оснований их (и других участников) ориентировки при составлении коллажей, мы на этом этапе ввели (вбросили) концепт толерантности, предполагая сосредоточить обсуждение на понимании его содержания.

МОДЕРАТОР. Мы перед этой нашей встречей беседовали с **ВИГЕНОМ**, и он предположил, что возможно люди путают толерантность, либерализм и эклектичность сознания, но это мы вдвоем (*жест в сторону Ани Хачатрян*) так поняли его мысль. Для многих вообще любое различие или *разграничение*, или *определение*, *любая категоризация* отдают интолерантностью и дефицитом либерализма. И тогда для этих людей рамки (категории) становятся неприемлемыми. Они лепят коллажи – буквально как коллажи, все подряд...

АЛЕКСЕЙ. Это было нарочито, специально – использовать российскую культуру, ее символы, включая православные?

МОДЕРАТОР. Да, это было специально использовано. Мы ведь пришли к представителям российских – русской и армянской – этнических групп. Как вы можете видеть, помня себя и глядя на окружающих.

РУБЕН. Короче, мы избранные!

АКТУАЛИЗАТОР. Нами избранные.

РУБЕН. Вообще!

АКТУАЛИЗАТОР. Почему вы не спрашиваете, зачем нам нужна буддистская, иудейская, мусульманская символика? А она ведь там есть.

РУБЕН. Я задумался.

Заметим странность этого «я задумался»: этническая и религиозная символика были представлены в материалах к коллажу столь широко, что не видеть и «не задуматься» было невозможно. Такое нарочитое игнорирование очевидного (или декларирование своего нерелефлексивного отношения) – показатель *выведения этно-религиозного содержания за горизонт событий субъективной реальности (или показатель персональной демонстративности респондента)*. Как видим, такое же сопротивление-игнорирование встретило и вбрасывание концепта толерантности, **АЛЕКСЕЙ** и **РУБЕН** продолжали держаться своего ассоциативного потока.

ГАЯНЕ. (В ответ на вопрос актуализатора Ани Хачатрян.) Чтобы понять, какое отношение к ней. Мы же не одни в этом мире.

АЛЕКСЕЙ. Чтобы не было такой явной конфронтации.

МОДЕРАТОР. А почему нужно говорить о *конфронтации*?

АЛЕКСЕЙ. ??? (демонстративно многократно пожимает плечами).

МОДЕРАТОР. Почему сравнение различного и соотнесение несовместимого интерпретируется как путь к конфронтации? Мы предлагали расположить эти символы и образы ближе или дальше от себя, от центра и ближе или дальше по отношению друг к другу. Разве, упорядочивая пространство вокруг себя и собственные мысли внутри себя, вы не делаете подобных расстановок? Всегда ли *конфигурация* предметов и образов ведет к конфронтации?

Респонденты взяли паузу, и кто внимательно, кто рассеяно переводили взгляды с модераторы на актуализатора и переглядывались друг с другом. Ответа так и не последовало.

АКТУАЛИЗАТОР. Вы еврейскую культурную символику для себя как-то обнаружили? Вы ее выделили? Или она растворилась вместе с буддисткой, исламской?

РУБЕН. Так евреи же (*воспоминание-удивление*)... В центре должны быть, конечно... они и так уже пострадали.

ГОР. Были ли в исследовании ортодоксальные религиозные люди? Среди участников.

АКТУАЛИЗАТОР. Да, были. Есть коллажи, в которых религиозность представлена открыто и явно. Не только в том, как отобраны картинки и символы, но и в композиции. Например, есть коллажи, построенные в форме креста и содержащие внутри креста религиозную...

ПАВЕЛ. Это армяне? Русские?

МОДЕРАТОР. Помню, что и те и другие, а точнее Ани подскажет.

АКТУАЛИЗАТОР. Таких всего пять: три у армян и два коллажа – русские.

Пауза.

Отметим, что тема религиозности не вызвала энтузиазма и не получила развития. Если использовать аналогию описываемой процедуры с методикой МПС Д. А. Леонтьева, то религиозность – это «пределный смысл», т. е. далее этот концепт уже не конкретизируется.

Мы использовали эту паузу, чтобы снова вбросить концепт толерантности, но теперь уже используя не этнокультурное, а гендерное основание.

МОДЕРАТОР. Я к девушкам обращаюсь: вы не почувствовали в этой методике гендерную поляризацию? Как вы ее (методику) восприняли?

РУБЕН. О, кстати, вы заметили, тут прям (в аудитории, где проходит встреча) все разделились: все мальчики с одной стороны сели, девочки с другой!? И даже вы (указывая на расположение в аудитории модератора и актуализатора)! Ништяк!

АКТУАЛИЗАТОР. Девушки, как вы думаете, эта методика больше мужская? Или женская? Или это гендерно-свободная методика?

ГАЯНЕ. Без разницы.

АННА. Я не заметила особой направленности. Даже не думала об этом.

МАРИЯ. Здесь все так подобрано и перемешано, что можно выбрать для себя как бы женскую или мужскую область культуры. Это можно сделать, не проблема.

КАРИНЕ. Она скорее, судя по всему, не мужская и женская, а русская и армянская. Я думаю, это методика на толерантность.

Заметим, что концепт толерантности, все-таки «зацепился» благодаря обращению к менее резистивной и более сензитивной женской подгруппе. Иначе пришлось бы вбрасывать другой концепт и начинать заново.

РУБЕН. Ну, женщины умнее, они конечно, *думают*, им конечно же легче.

АЛЕКСЕЙ. Ну, это очень смелое заявление!

РУБЕН. Я серьезно, братан, их мозг побольше нашего в этом плане...

АКТУАЛИЗАТОР. Как эта методика соотносится с этим модным сегодня концептом *толерантности*? Что для вас *толерантность*?

АЛЕКСЕЙ. Религия мира и добра.

ГАЯНЕ. Уважение к себе и к окружающим.

АННА. Это уважительное отношение к другой культуре.

АЛЕКСЕЙ. Терпимость и добросердечное отношение ко всем, не разбирая на классы или на другие какие-то характеристики.

МАРИЯ. Это то, к чему нас сегодня призывают, но не очень-то объясняют, что и как. Чтобы все со всеми ладили. Все всех принимали. Иногда, чтобы терпели различия.

АКТУАЛИЗАТОР. То есть, границ у толерантности нет? Вы вот говорили, что не все люди могут категоризировать, что нужно уходить от маркеров добра и зла, что... Но тогда, я правильно поняла, вы и толерантность определить толком не можете?

АЛЕКСЕЙ. Ну да, как и другие человеческие характеристики, это (широко разводит руками)...

Из приведенной здесь части протокола видно, что нам с участниками фокус-группы никак не удается нащупать содержание, соотносимое с «горизонтом событий» – определить, что именно, по высказываниям респондентов, участвующих в дискуссии, актуализировала техника построения коллажей, и чего в ней не было. Из протокола аудиозаписи видно, что респонденты – **РУБЕН** и **АЛЕКСЕЙ** – на протяжении всего разговора уходят от категоризации и тем самым уходят от признания имеющихся у них субъективных критериев, в соответствии с которыми они структурировали семантическое пространство коллажей.

МОДЕРАТОР. Тогда такой вопрос: как такая форма, а точнее – *бесформенность*... толерантности сочетается с когнитивной сложностью или с когнитивной простотой? С мышлением человека, степенью его разумности? Я имею в виду носителей такой толерантности.

АЛЕКСЕЙ. Понимаете, я не психолог, я только учусь...

ПАВЕЛ. Я считаю, у русских *своя особая* толерантность... Она самобытная. Описать сложно, но она не такая, как в Европе, но это и не этноцентризм. Хотя если выбирать между этими двумя – то ближе к европейской, конечно. Мы часть европейской культуры и истории. Все крупные исторические события в Европе нас коснулись. И географически, конечно, полстраны лежит в европейской части материка... Поэтому, конечно, все европейское нам ближе, а все азиатское, исламское, да и буддизм – это как-то подальше. Ну, если честно.

Здесь появилась фиксация временной и пространственной составляющих (осей), что мы и ожидали ввиду отсутствия составляющей (оси) смысловой. Но, как показало дальнейшее, пространственно-временные реперы не стали точками кристаллизации содержания и с концептом толерантности соотнесены не были, ни самим **ПАВЛОМ**, ни другими участниками диалога.

МОДЕРАТОР. Вот видите, **ПАВЕЛ**, Вы же сами определяете, *к чему это ближе*, а так не хотели признаваться в «привязанности» к картинкам... Скажите, *а это ближе – больше, оно по географическим меркам ли по историческим меркам?*

ПАВЕЛ. Учитывая тенденции глобализма сейчас – географические и исторические критерии не столь важны.

МОДЕРАТОР. Правильно ли я Вас услышал: важны культурные и религиозные критерии? То есть ценностно-смысловые?

ПАВЕЛ. (Молчит и пожимает плечами).

Заметим, что концепт глобализма, в отличие от концепта толерантности, нами не вводился, он возник, предположительно, по ассоциации. Удвоение понятий – толерантность и глобализм – было нами учтено в дальнейшем при введении в качестве рефлексивного экрана концепта «патриотизм».

МОДЕРАТОР. Скажите, а толерантный этноцентризм возможен?

ГАЯНЕ. Почему невозможен? И такое может быть...

АННА. А это, простите, как?

АЛЕКСЕЙ. Абсолютно возможен!

КАРИНЕ. Надо подумать...

РУБЕН. У тебя, мать, привычка такая, чуть что – подумать?

МОДЕРАТОР. Хорошо, тогда логически другой вопрос. Если я вообще не исповедую этноцентризм, более того, я индифферентен к этнической принадлежности, как своей, так и других. Меня она никак не беспокоит. Я Иван или Ованес, не помнящий родства, могу ли я быть толерантным?

ГОР. Да. Потому что толерантность – ну, мне кажется, самое четкое и правильное определение: отсутствие неприязни к каким-то другим, представителям другой национальности или конфессии, то есть *индифферентное отношение*, да, и если у вас нету этой неприязни, то вы можете быть толерантным.

Отметим по ходу, что толерантность до сих пор в разговоре с респондентами не получила точного положительного содержательного определения. Она определяется как *отсутствие* неприязни и как *индифферентное* отношение.

Ввиду такой размытости категории мы предприняли повторное «вбрасывание», рассчитанное на представителей этнической диаспоры – армян: упомянули угрозу культурной ассимиляции. Но, как видно из дальнейшего, армянские участники диалога воздержались от комментариев это концепта.

МОДЕРАТОР. Такая форма сознания может привести к тому, что можно упустить начало, а потом и последствия процесса *ассимиляции*. И растворить свою культуру в культуре доминирующего этноса или в глобальной мировой культуре (если таковая существует, и мы понимаем, что это такое).

АЛЕКСЕЙ. Ну, для меня толерантность это тоже уважение и в некотором роде, терпимость и понимание чужой национальности культуры, поэтому я из такого принципа толерантности принимаю законы *не национальные, а именно законы человека*. Скажем, надо судить людей не по тому, какого цвета у них кожа или к какой национальности и конфессии они принадлежат, а именно исходя из того, *какие они люди и как они действуют*. Ну, то есть отрицательным по поведению может быть не только русский, но и другие люди...

АКТУАЛИЗАТОР. Стоп! Внимание! Я правильно услышала, что толерантность это «терпимость и понимание чужой национальной культуры»? Я правильно поняла, что это *иное, – чужая этническая культура, – проявляется в поведении: какие люди и как они себя ведут?*

АЛЕКСЕЙ. Ну да, правильно. Конечно.

АКТУАЛИЗАТОР. Я правильно понимаю, что исходить нужно из поведения, действий и поступков, а не из того, какой цвет кожи, разрез глаз, во что одеты и во что верят? И на каком языке говорят, тоже не важно. И религия тоже не важна. И понимание морали тоже...

АЛЕКСЕЙ. Да, наверное. Вроде так...

МОДЕРАТОР. Алексей, а что понимается под формулой «судить по поведению»? Ваши соседи, согласно их обрядам, должны зарезать барашка, а у вас общий с ними двор и там гуляют ваши дети. Ваши коллеги должны совершить намаз, а у вас срочное совещание и важные переговоры. Ваши гости придерживаются такого меню, в основе которого *халаль* или *кашрут*, а вы их салом угощаете... А когда вас приглашают в гости, на столе конина, например, а вас тошнит от одного запаха...

АЛЕКСЕЙ. Ну, можно потерпеть, что-то простить, самим чего-то не делать...

ВИГЕН. Можно не приглашать таких гостей, и не ходить к ним в гости. Зачем осложнять?

МОДЕРАТОР. ВИГЕН! То есть *если не ассимиляция, то сегрегация*? То есть формула **АНАТОЛИЯ** «судить по поведению» оборачивается своей противоположностью – «не судить по поведению», а то и «вообще не судить», а попросту дистанцироваться? Согласитесь, живя в инокультурном окружении, или соседствуя с малой, но иной культурой, приходится решать такую задачу – задачу установления дистанции. А это и задача избирательности. А как дистанция и избирательность сочетаются с толерантностью? Кого и что считать своим? Кого и что – иным, а то и чужим?

АКТУАЛИЗАТОР. Не было ли у тебя (обращаясь к **АНАТОЛИЮ**) недостатка картинок, которые характеризовали бы русский этнос? Может быть, ты почувствовал, что их столь ограниченное число, что само распределение в общей массе *интолерантно*?

АЛЕКСЕЙ. Нет, ну почему, я вот Собчак увидел, (Огонь-женщина! – вклинивается **РУБЕН**) – представитель русского этноса, Егор Крид, Якубович, усики Якубовича, я бы даже сказал, ну картинки всегда можно найти, было бы желание, ну у меня недостатка картинок не было, я даже совместил, уплотнил их, так чтобы побольше поместилось.

Отметим, что в «этнокультурную символику», соотносимую с концептом «русское», попали скандальные политики, журналисты и звезды шоу-бизнеса, а не православная символика и не культурно-исторические символы.

МОДЕРАТОР. Я услышал от вас «терпимость», не так ли? Она разве не подразумевает усилия? «Признаю, что существует, вынужден терпеть, поскольку оно есть, не знаю, что с этим делать, но ладно, пусть живет».

АЛЕКСЕЙ. Ну, немного мягче я думаю формулировка.

АКТУАЛИЗАТОР. А эта толерантность не может привести к тому, что мы все будем жить в социуме, который представляет собой *транс-гендер, транс-сексуал, транс-этнос, транс-возраст* и т. д.?

АЛЕКСЕЙ. Так это же хорошо, сделаем одну общую религию, общий пол, все будет общее! Нет, навряд ли это приведет к тому, о чем ты говоришь, потому что некоторые рациональные черты будут сохраняться, которым будет следовать и русский этнос, и армянский, и еврейский, – любой.

АКТУАЛИЗАТОР. С чего вдруг? А «сделаем одну общую...» – это *кто? Кто будет делать?* У такой толерантности и у такой глобализации есть субъект? *Кто это?*

АЛЕКСЕЙ. (Не слыша вопроса Ани Хачатрян.) Ну, потому что, скажем, разграничения в обрядах, праздниках, это же не повод для конфронтации.

АКТУАЛИЗАТОР. В этом году 16 числа совпадают праздники православной и армянской Пасхи, а еще и Пейсах... Что-то мы не видим единения и совместного празднования. Может быть, все-таки у этносов разное смысловое содержание, связанное с этим днем?

ГОР. Ну, это же единичный случай!

АЛЕКСЕЙ. Ну и что? Я в этих праздниках, таких как Пасха, не разбираюсь, мне мама всегда говорит, когда Пасха.

РУБЕН. На Пасху яйца красят, чего там разбираться.

АЛЕКСЕЙ. Нет, когда именно этот праздник.

Отметим, что столь явная редукция содержания и смысла основного религиозного события к обыденным явлениям нисколько не смущает *АЛЕКСЕЯ* и *РУБЕНА*.

КАРИНЕ. Я просто... терпимость – да, я понимаю, почему некоторые обряды делаются, и праздники, скажем Курбан-байрам.

РУБЕН. Ты чего, мать, это же не армянский праздник!

АЛЕКСЕЙ. Ну, в общем, это их религия, они этому следуют и это не приводит же к жертвам каким-то, никому зла не причиняют. Значит это должно для них существовать.

ГОР. А, интересно, индифферентность не является частным случаем толерантности?

На описанном выше этапе «вбрасывания» мы использовали концепт толерантности, предполагая, что термин требует определения, обоснования и интерпретации. При почти нарочитом размывании обсуждаемого содержания и его границ, активными субъектами которого (размывания) были *АЛЕКСЕЙ* и *РУБЕН*, нам представлялось, что фокусировка на общем и, предположительно, понятном им концепте, спровоцирует уточнение и конкретизацию их субъективного видения и даст возможность присоединиться к обсуждению и другим приглашенным.

На этом этапе обнаружилось следующее.

Во-первых, термин «толерантность» и соответствующее ему содержание не концептуализируются и не операционализируются, т. е. не определяется содержание и граница понятия, не определяется его функция – что посредством этого понятия можно делать с предоставленным материалом, как это понятие работает и в более широком контексте. Вместо этого демонстрируется «вербальное псевдопонимание» (термин А. С. Арсеньева): одно слово ассоциативно связывается с цепочкой других слов при нерелексивной смене оснований такого связывания. Наблюдается трансдукция – движение значений от одной частности к другой без обобщений и претензии на синтез.

Во-вторых, дополнительные концепты «ассимиляция» и «сегрегация», рассчитанные на реакцию участников-армян, не были удержаны группой и в контекст обсуждения «толерантности» включены не были. Хотя в личных беседах со студентами из армянской диаспоры (как с приглашенными в фокус-группу, так и с другими) тема ассимиляции отмечалась как актуальная.

Отсутствие категоризации и концептуализации приводит к тому, что границы содержания, включенного в коллажи и как-то в них структурированного, не рефлектируются. А это оборачивается невозможностью трансцендирования – невозможностью выхода за актуальный круг ассоциаций и учета возможности иных оснований понимания материала.

В. Рефлексивное экранирование

В качестве рефлексивного экрана мы вводили концепт «патриотизм». Мы полагали, что это распространенное и «оболочечное» понятие в сочетании с уже обсуждавшимися понятиями толерантности и глобализма, а также наряду с такой характеристикой толерантности как

индифферентность может спровоцировать рефлексию и установить границы понимания и сопоставление-противопоставление категорий. Концепт «патриотизм», по нашему предположению, в большей степени спровоцировал рефлексию чем «толерантность», особенно у респондентов из армянской диаспоры: они неизбежно должны были соотносить его с образом страны проживания и гражданской принадлежности, со своей этнической принадлежностью и с образом исторической Родины.

МОДЕРАТОР. Скажите, пожалуйста, как толерантность соотносится с патриотизмом? И какая это толерантность? Индифферентная? Глобалистская? И как соотносятся патриотизм и глобализм?

АЛЕКСЕЙ. Ну, вот Вы сказали «патриотизм». При патриотизме как показывает история, всегда... иногда возникает национализм...

ГОР. Мне кажется, если человек патриотичен, то он не может быть толерантным!

КАРИНЕ. (Возмущённо): Почему?!

РУБЕН. Потому что он патриот своей страны и только. Одной страны! Своей!

АЛЕКСЕЙ. Это уже национализм!

ВИГЕН. Постойте. Смотрите что здесь важно! Из всех мировых культур, лучше всех я знаю армянскую культуру. Именно из-за этого я сделаю коллаж, основываясь на своей культуре. Но так, я другие культуры приклею по краям, или вообще не приклею. Чем больше отличий или несовпадений будет с моей культурой, тем дальше от центра я буду клеить картинки. Если я мое, армянское, перемешиваю и выравниваю... Или же нет, допустим, сравниваю с другими культурами, то, если быть честным, мне нужны равные по значению с моей культурой символы. Но они есть? Или же у нас есть подходящие критерии? Ведь у нас есть два варианта: либо я ориентируюсь в культурах, либо перемешиваю все и наших исторических героев, звезд шоу-бизнеса, ту же колу и шоколад. И буду толерантным человеком. Так по вашему мнению? Но в этом случае толерантность равна ассимиляции.

Я, будучи патриотом, люблю свою родину, культуру, и уважаю культуру других. И понимаю ее, если рядом с ней можно поставить армянскую культуру, то есть они равнозначны, равновелики.

МОДЕРАТОР. Могу я в качестве мемориала скорби соотносить Родину-мать на Мамаевом кургане с мемориалом геноцида армян? Могу ли я соотносить памятник Петру Первому в Санкт-Петербурге с памятником Давиду Сасунскому в Ереване? Внешнее сходство есть – вечный огонь в первом случае, экспрессивные фигуры всадников – во втором случае.

ВИГЕН. Соотносить, но не перемешивать. Они равнозначны, но разные. Они имеют разную историю, и мы не можем их выкинуть из их истории, мы не можем изменить их историю. У них есть свои места в своих национальных культурах. Но у них также есть сходства. По этой причине мы способны понимать друг друга.

АКТУАЛИЗАТОР. А в коллаже их можно поставить рядом, в центре, например? Я про памятники...

ВИГЕН. Можно. У них есть похожие смыслы: символ народной скорби, символ основателя государственности, символ народного единения. Близки по смыслу, но исторически и этнически не близки. Это все патриотичные символы.

Здесь в нашем диалоге с респондентами впервые возникает ожидавшаяся нами идея соотнесения хронотопов: делить (размежевать) или разделять (понимать и соотносить, возможно, сопереживать). Далее этот конструкт становится основанием разделения позиций: **ВИГЕН** и **КАРИНЕ** начинают формулировать этнокультурный и культурно-исторический контекст, **РУБЕН** и **АЛЕКСЕЙ**, по-прежнему, демонстрируют ассоциативный поток.

РУБЕН. Есть мультик, в котором дядька просыпается под гимн своей страны и под гимн своей страны гордо мчится на работу. То есть он патриот своей страны, и он не хочет признавать никакую другую.

МОДЕРАТОР. Замечу, он «мчится на работу» (не знаю, насколько «гордо») как на *свою* работу в *своей* стране.

АЛЕКСЕЙ. А может, он в транснациональной компании работает? Хотя, конечно же, наверное, на своей территории, в своем городе.

КАРИНЕ. Давайте по сути! Значит, если я христианка, то это же значит, будто мусульман и нету? Я их должна исключить из коллажа? Или на край, куда-нибудь подальше поместить?

АКТУАЛИЗАТОР. А это тебе решать...

РУБЕН Не-не-не, мать, не так. Вот ты патриотка?

КАРИНЕ. Я не патриотка... Я хочу понять.

РУБЕН. Вот ты молодец вообще, огонь!

КАРИНЕ. Подожди! Вот то, что говорит **ВИГЕН**... Если я христианка, и есть *они* – мусульмане. Я как цивилизованный человек уважаю их символы, их пророков, их праздники и их историю... Из Ветхого Завета – история о жертвоприношении сына, история про Авраама и Исаака. А у них Курбан-байрам ... История про Ибрахима и его сына... Одна и та же история у иудеев, христиан и у мусульман.

РУБЕН. Ты, мать, даешь! А *зачем* все это?

КАРИНЕ. А я тогда должна выбирать. Например, мне Арарат, Храмовую гору и гору Арафат в Мекке как расположить? Если я толерантная, все в кучу и рядом, если я христианка, то... А если патриотка, оставить Арарат, а остальное вообще не трогать?

ВИГЕН. А ты возьми шоколад и коса-колу и Диму Билана, а остальное... Хотя придется соотносить Диму Билана и Шарля Азнавура... Или Якубовича с Петросяном. *Но это же не Авраама с Избрахимом* (улыбается).

КАРИНЕ. Тогда никто не поймет, что я христианка... И про мой патриотизм или толерантность...

РУБЕН. Вот поэтому я говорил, что не нужна в этих картинках религия.

АЛЕКСЕЙ. Или всю религию поместить в одно место.

РУБЕН. Ты о чем, брат? В центр, что ли? ...

КАРИНЕ. А почему ты не можешь, уважая свой этнос, уважать чужой?

РУБЕН. А это уже называется «*толерантность*» (жест, обозначающий кавычки).

КАРИНЕ. Почему толерантный человек не может быть патриотичным?

РУБЕН. Это уже их проблемы, честное слово. Не, я вообще в своей жизни еще не встречал патриота, который был бы толерантен к другой стране.

ГОР. Как ты понял, что он патриот?

РУБЕН. Я с ним общался...

АЛЕКСЕЙ. Я тогда другое мнение выскажу, я думаю, что патриотизм и толерантность возможны. Потому что патриотизм – это что? Любовь к Родине, любовь к своей культуре, к каким-либо ее проявлениям. Но при этом также можно любить и другие культуры, также относится к ним с добротой и трепетом, потому что они тоже имеют долгую историю, они тоже долго существуют. Да даже если не долго, значит, они окрепнут, им надо расти...

ВИГЕН. Новому халифату расти? Все, молчу! Извините. (*Обращаясь к модератору.*) Вот ты говоришь «с любовью, добротой и трепетом»... Вот ты девушку любишь... И она об этом знает. Но есть другие, тоже красивые и умные. Ты ко всем к ним «с добротой и трепетом»?

АЛЕКСЕЙ. Я ко всем по-разному... Но с уважением...

МОДЕРАТОР. Будем подводить итоги. Итак, толерантность, индифферентность, глобализм и патриотизм. Что это и можно ли это увидеть при помощи этой методики?

РУБЕН. А! Так вот про что это было...

ВИГЕН. Здесь может проявиться разное. Даже у одного человека. Разные смыслы. Если не задумываться, без стратегии, что ли, получится похожее на толерантность. Но скорее – это индифферентность. Ну вот ребята сразу предлагали не лезть в дебри и все подряд, как душа пожелает... А если думать – тогда... Тогда по категориям, осмысленно: общее и различное в истории, общее и различное в религии, современное состояние культурных и политических отношений, геополитика... Если без учета этнического, национального, как толерантный космополит или глобалист, что ли... Тогда можно, не понимая, не зная навредить и оскорбить. Память, например, религиозные чувства... Они есть, а я решил их убрать, не знаю про них и не хочу знать... Вот Вы (*обращаясь к модератору Александру Медведеву*), когда мы с Вами до этого беседовали, сказали, что отношение армян к исламу как бы «понятно». Имея ввиду трагедию армян, геноцид... А оно не так уж и понятно. Геноцид был организован младотурками (имена называть не буду), а они, как я знаю, были атеистами. Беда эта коснулась еще и ассирийцев, и понтийских греков. Я им буду сочувствовать, а османам – нет. Но не мусульманам, это *разное*. И если я это *знаю* – для меня разница, граница («дистанция», как Вы говорите) не религией определяется, а историей. Для меня лично – вы этого *можете не знать*, а я *должен*. Если бы вы включили в картинки Николая Второго и генерала Деникина, я бы их поближе к центру поставил, а вот Ленина, может быть, вообще бы не трогал... Исходя из исторических событий, а так – все трое исторические персоны и если *толерантно*, можно и в кучу... Я могу и шаурму и люля-кебаб съесть – вот тут мне все равно.

КАРИНЕ. Или все ценное спрятать и не показывать. Чтобы не видно было, что я армянка, христианка, что я женщина. Ничего из того, что мое личное. Такие коллажи тоже есть. Это же может быть сознательно. Тогда не потому, что я люблю, извините, кока-колу, а потому, что одна кока-кола и прочее и останется, а остальное, ценное я спрячу. Не хочу показывать.

МОДЕРАТОР. Я правильно понимаю, что то, что попало в коллаж еще не показатель, надо смотреть, что не попало, и тогда пойдем границу – основное категориальное различение?

КАРИНЕ. Правильно...

ВИГЕН. Или не пойдем ничего! Оно так, если человек прятал что-то осознанно. А если лишь бы, да как бы... Тогда глобализм и толерантность. А если я не президент транснациональной корпорации, то моя толерантность особого смысла не имеет, и глобализм

мне лично ничего не дает. Так – слово... Что с ним делать? Могу в коллаже все ковром расстелить и сказать над этим «глобализм и толерантность».

РУБЕН. Круто! Ну вы и замутили...

МОДЕРАТОР. Можно ли быть патриотичным, используя русскую и армянскую символику в этом коллаже?

АЛЕКСЕЙ. Я думаю, это может быть при двух вариантах: когда обе картинки в центре, или когда одна в центре и одна посередке. И возможен третий вариант – когда они вообще не используются в коллаже.

ВИГЕН. А кока-кола *посередке* (иронично).

МОДЕРАТОР. Если человек не приклеил ни одной этнической картинке из всего предложенного массива – он патриот?

АКТУАЛИЗАТОР. В армянской выборке был только один культурно-свободный коллаж. Ни одного символа, относящегося к этносу. И никто потом не отнес автора к числу армян. Как вы думаете, в чем причина?

ПАВЕЛ. Ну, потому что он является не патриотом, или...

РУБЕН. Не, ну точно армянский же коллаж, смотрите, ну армянская же группа здесь (*имеется в виду музыкальная группа, фотография которой вклеена в коллаж*).

МАРИЯ. Может ему просто группа нравится.

ГАЯНЕ. Я тоже обратила внимание на группу, но это не говорит о том, что он армянин.

АКТУАЛИЗАТОР. Я же его приглашала, и он пришел, согласился. То есть пришел как армянин.

РУБЕН. Не ну я торопился, поэтому не определил, кто он, а то бы я определил.

КАРИНЕ. Мы этого не узнаем. Не узнаем, почему он так сделал. Это личное! Но тогда о чем это исследование? Хотя странно, быть армянином и исключить все армянское, хотя оно здесь перед глазами. Что-то не так, странно как-то.

РУБЕН. А это мальчик или девочка?

АКТУАЛИЗАТОР. Мальчик, а это принципиально?

ГАЯНЕ. Он сделал это, чтобы мы не поняли, что он армянин.

ПАВЕЛ. Либо индифферентно относится к своей национальности, точнее не гордится ею, не знаю.

ГАЯНЕ. (*Обращаясь к Актуализатору – Ани Хачатрян, проводившей методiku*). Может он не хотел, потому что ты и так знала, что он армянин? Ведь глупо тебе это доказывать. У него могла быть обида какая-то – зачем его проверять на патриотизм, если и так...?

АЛЕКСЕЙ. Нету четких границ национальных...

РУБЕН. Я не буду умных слов говорить, может не охота ему просто?

ГАЯНЕ. Может он просто не хотел клеить?

ПАВЕЛ. Нет, но если мы предполагаем, что он серьезно отнесся к заданию... Как тогда? И зачем?

ГАЯНЕ. Ну можно серьезно отнестись *и сознательно не захотеть приклеить*, может он хочет оставить это в себе... Это не наше дело...

Итог

Поскольку мы не ставили педагогических, воспитательных и просветительских задач, ориентируясь на решение исследовательской задачи, мы уклонились от оценки произошедшего, поблагодарив участников за помощь. Прощаясь, мы объявили, что наша беседа поможет нам в доработке и совершенствовании методики.

В качестве итога всех описанных здесь этапов исследования мы можем констатировать следующее

1. Методика культурной провокации – построение коллажей – позволила получить типологию, на полюсах которой, с одной стороны, этноцентризм, проявившейся в том, что горизонт событий [7] ограничивает те символы и явления, которые относятся к культуре родного этноса, а на другом – представленность масскультурного содержания (глобализм и культурно-свободная эклектика) с прозрачным и нечетко обозначенным горизонтом. Этноцентризм проявился исключительно в армянской группе респондентов, масскультурный плюрализм – в обеих этнических группах, с существенным преобладанием в русской.

2. Последующая сигнификация-категоризация показала, что обозначение и сопоставление-противопоставление вызывают затруднения, причем авторы эклектичных коллажей испытывают их в большей мере, соскальзывая в поток случайных ассоциаций. Авторы этноцентричных коллажей, напротив, не испытывают затруднений с категоризацией, но степень разработанности, согласованности и конкретизации на периферии коллажей у них небольшая, равно как и степень разработанности биполярных конструкторов по Дж. Келли. Относительно высокая разработанность конструкторов и, соответственно, больший объем дифференцирующих категорий продемонстрировали авторы этноориентированных коллажей.

Армяне значительно чаще использовали концепт «духовность», противопоставляя его содержание материальному и меркантильному. При этом вероисповедание не выделялось ими в отдельную категорию, поскольку этническая принадлежность, христианская вера, принадлежность Армянской Апостольской Церкви для них связаны неразрывно. Эта особенность проявляется в своего рода синкретизме, обозначаемом ими словом «духовность». Поэтому религиозная и этнокультурная символика ими не дифференцировались.

Для русских респондентов православная символика и тема веры оказались отделенными от других этнокультурных символов. Религиозность предстала как отдельная тема в соотнесении и противопоставлении атеизму. (Атеизм среди армян – сравнительно редкое явление).

3. В целом исследование подтвердило конституирующую функцию смыслового измерения хронотопа: при отсутствии смысловой оси ни временная, ни пространственная проекции энохронотопа не выстраиваются, картина получается мозаично-эклектичной. Это было подтверждено как полученными нами коллажами, так и последующим фокусированным групповым интервью, в котором проявилось противопоставление культурно-центрированной и культурно-свободной эклектичной позиции. Отсутствие содержательно-смыслового измерения существенно ослабляет или вовсе сводит на нет ресурсы рефлексии человеком своей субъективной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева Е. И. Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа // Социс. 1999. № 8. – С. 133-138.
2. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая технология времени, которая улучшит вашу жизнь. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.
3. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. – СПб., Речь, 2000. – 249 с.
4. Кураев А. Сатанизм для интеллигенции (в двух томах). Том II. Христианство без оккультизма. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Издательство «Отчий дом». – 430 с.
5. Мартиросян К. В. Субъективная реальность хронотопа самосознания в его индивидуальной и этнокультурной проекциях: подход к исследованию // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 1. <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN117.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
6. Медведев А. М., Мартиросян К. В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7, № 2 (2015) <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/07PVN215.
7. Медведев А. М., Мартиросян К. В., Хачатрян А. Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Часть 1 // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 4 <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
8. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / перевод с англ. Федоровская Т. Н., ред. Белановский С. А. – М.: Институт молодежи, 1991. – 106 с.
9. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
11. Хачатрян А. Ю. Техника культурного опосредствования в исследовании пространственной составляющей этнохронотопа // Культурно-историческая психология: от научной революции к преобразованию социальных практик: Материалы XVII Международных чтений памяти Л. С. Выготского. Москва, 14-19 ноября 2016 г. / Под ред. Г. Г. Кравцова: В 2 т. Т. 2. – М.: Левь, 2016. – С. 65-70.
12. Хронотоп // Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – С. 722-723.

Medvedev Alexander Mihajlovich

The Russian presidential academy of national economy and public administration
Volgograd branch, Russia, Volgograd
Moscow city university
Volgograd branch, Russia, Volgograd
E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru

Martirosyan Karine Vardanovna

The Russian presidential academy of national economy and public administration
Volgograd branch, Russia, Volgograd
E-mail: marti-5@mail.ru.ru

Khachatryan Ani Yurikovna

The Russian presidential academy of national economy and public administration
Volgograd branch, Russia, Volgograd
E-mail: an.khachatryan94@yandex.ru

Chronotope of subjective reality as a basic concept in the study of ethnic self-consciousness. Part 2

Abstract. The article continues the material published earlier, in which the research potential of the concept of the chronotope of subjective reality was grounded. This text presents the stages and results of an empirical study of ethnic self-awareness. The study is based on the concept of the chronotope of subjective reality and contains the stage of cultural provocation, the stage of signification and categorization, the stage of differentiated evaluation and the final stage – a group focused interview. The study involved students from two ethnic groups – Russians and Armenians – jointly trained in the Volgograd Institute of Management, the stage of cultural provocation was built on collages from a vast and diverse visual material containing ethnic, religious and mass cultural symbols. At the stage of signification and categorization, respondents distributed collages of their peers to groups, independently introducing distinct categories. At the stage of differentiated evaluation, respondents chose two collages according to the criteria "like – dislike", justifying the choice. At the final stage of the focused group interview, the semantic basis of the orientation was discussed when constructing collages and when assessing them. The discussion was centered around the concepts of tolerance, ethnocentrism and patriotism. The main result of the work: in both ethnic groups, two attitudes were discovered: eclectic-tolerant and culturally-centered. The cultural-centered setting, which found its decoration, including in the manifestations of ethnocentrism, was more evident in the respondents of the Armenian group. The eclectic-tolerant attitude, as shown by the study, does not allow us to reflectively and rationally reflect the criteria for choosing cultural symbols, categorize our own preferences, and reasonably construct a hierarchy of cultural symbols and meanings. That categorization of meanings, which in most Armenian respondents manifested itself in the form of automatism, demanded a special reflexive tension among Russian respondents. Explaining this difference requires a deeper study.

Keywords: chronotope; Russian; Armenian; cultural provocation; collage; focus group; focused interview; ethno-centered; ethno-oriented; globalist; culturally free; concept; construct; tolerance; patriotism